

А. И. Попов

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИНОСТРАНЦА В РОССИИ В 1812 г. ПО МЕМУАРАМ А. АДАМА

Исследуя состояние тылов и коммуникаций Великой армии Наполеона во время русского похода, мы привлекли великое множество самых разнообразных источников. Использовали мы и воспоминания Альбрехта Адама, в будущем известного баварского батального живописца, а в 1812 г. придворного художника в чине *capitano* при дворе французского принца, вице-короля Италии дивизионного генерала Эжена Богарнэ, с 10 июня причисленного в качестве рисовальщика к топографическому бюро штаба 4-го армейского корпуса. Адам сделал более 300 зарисовок, начиная от Вилленберга в Германии и до Москвы¹.

Теперь же мы решили обратить более пристальное внимание на эти мемуары, потому как *обратный путь* художник проделал во время наиболее активного функционирования главной коммуникационной линии Великой армии. Эти мемуары были написаны в 1857–1861 гг. на основе дневниковых записей художника и благодаря его острой памяти. При этом мы будем цитировать не все 30 страниц интересующего нас текста, а только самые важные места, соединяя их пересказом остального и делая необходимые пояснения, чтобы стала понятной ценность данного источника².

Еще во время Бородинского сражения шталмейстер вице-короля Альманья спросил Адама, как умудрился он, художник и вольный человек, взвалить на себя такую тяжелую ношу на войне. Тогда Адам не придал этим словам никакого значения, но после грандиозного московского пожара он призадумался о своем положении. Военных обязанностей он не имел, его служба у принца Эжена не была ограничена никакими временными рамками, и Адам решил, что если он сейчас не добьется отпуска, то откажется от своей должности. Он рассказал об этом своему другу де Сэву. Адам вспоминал: «Здесь, в Москве, решилась, наконец, моя судь-

ба, я получил отпуск, 50 луидоров проездных денег и маршрутный лист на квартиры и пропитание. Немедленно начал я приготавливаться к отъезду. Это было делом рук моего друга де Сэва, который сумел добиться для меня благосклонности принца, хотя тот согласился неохотно».

Из Москвы Адам со спутниками выехал 24 сентября. До этого времени он мог рассчитывать на поддержку своих сослуживцев, так как, по его словам, «почти каждый солдат итальянской гвардии знал меня, поскольку в течение всего похода они постоянно видели меня рисующим в свите принца Эжена и столь же часто в его лагере и на полях сражений. С того момента, когда я покинул Москву, я мог рассчитывать исключительно только на себя в необъятно большой стране, мне совершенно чужой. Огромное пространство отделяло меня от моей родины; бесчисленные препятствия и опасности, которые могли оказаться на моем пути, делали весьма непредсказуемым, смогу ли я достичь желанной цели. Правда, до этого во всей моей жизни я не имел ни одной причины сомневаться в своей удаче, и потому я сказал себе: „С Богом! Что будет, то будет; я хочу надеяться на лучшее, но я готов и к худшему!“ С такими мыслями я покинул Москву, если даже и взволнованный, но с твердым мужеством.

На самой крайней заставе города мы уже получили первое, предостерегающее и пугающее сообщение: отставшие вюртембергские солдаты, которые с трудом ускользнули от казаков, спели нам жалобную песню и предостерегли от того, чтобы ехать дальше; но сколь бы неприятно ни было их сообщение, звучание швабской речи все же приятно затронуло мой слух. От них я узнал, что они сопровождали экипажи кронпринца Вюртембергского... Я дружески поприветствовал их, как земляков, и поехал дальше»³.

Поясним, что Адам родился в г. Нёрдлинген в Швабии, и потому ему было приятно услышать родное наречие. Но далее мемуариста подвела память – он «свалил в одну кучу» тех вюртембергцев, которые пытались выйти из Москвы с упомянутыми экипажами, и тех, которые только что прибыли туда из Смоленска, едва избежав русского плена. Последние принадлежали к артиллерийскому транспорту капитана Викеде и выздоравливающим (около 500 человек) под присмотром доктора К. Диллениуса, которые входили в состав 4-го маршевого обоза генерала П. Ланюсса. В Гжатске к ним присоединились обер-лейтенант пешей артиллерии К.В. Фабер дю Фор, делавший зарисовки, и его сослуживец лейтенант Ф. Кауслер, составивший позже комментарии к его рисункам. Оба они стали свидетелями нападения на колонну Ланюсса у с. Перхушково 22 и 23 сентября партизанских партий из летучего отряда генерала И. С. Дорохова. 22 сентября Наполеон послал туда сначала полковника М.Л. Ле-

тора с 250 драгунами, а затем генерала Р.Г. Сен-Сюльписа с остальными драгунами Старой гвардии, которые прибыли на место 23 сентября⁴.

Вюртембергский же парк прибыл к Москве утром 24 сентября, где его и встретил Адам, который затем проделал тот же самый путь, но в обратном направлении⁵. Таким образом, оба главных «живописных свидетеля» русского похода оказались в одно и то же время в одном и том же месте, на окраине Москвы – почти невозможно поверить в такое совпадение!

«Проехав всего около получаса, – продолжает Адам, – мы встретили на дороге французского конного егеря с карабином в руках, выставленного в качестве сторожевого поста. Он объяснил, что мы должны сообщить о себе генералу, находящемуся в близлежащем лесу. Там горел костер и немного далее позади находился кавалерийский пикет. Генерал сидел под плохоньким дощатым навесом, перед ним – убогий столик с письменным прибором, и было видно, что он находился не в лучшем расположении духа. Он рассмотрел меня и сухо спросил: „Куда Вы хотите направиться?“ После того, как я сообщил ему необходимые сведения, он с таким же сухим выражением сказал: „Вы хотите попасть к русским в плен?“. Я ответил, что не имею к этому никакого особого желания. „Ну, – ответил он, – я Вам уже сказал, что Вы не сможете проехать. Главная дорога повсюду потревожена неприятелем; ежедневно приходят прискорбные сообщения об этом“. Я уточнил: „Имеете ли Вы, мой генерал, определенный приказ никому более не позволять проехать?“ – „Нет, но я ожидаю его с часу на час“. „Если это так, – сказал я вызывающим тоном, – то я прошу Вас сделать одолжение завизировать мой маршрутный лист. Вы видите, что я имею от моего повелителя разрешение вернуться в Баварию, и я хочу, по меньшей мере, отважиться на попытку пробиться, если это будет возможно“. Генерал грозно посмотрел на меня, подписал мои бумаги и вернул их мне со словами: „*Bon voyage!*“. При этом, как мне показалось, он взглянул на меня так, будто хотел сказать: „Глупец!“

Один человек из числа моих спутников, который одновременно со мной направился к генералу, чтобы предоставить удостоверение личности, присутствовал при всей этой беседе. Этот человек еще не пришел в себя от испуга, внушенного ему беседой с вюртембергцами, и теперь, после того что он услышал, не было и речи о том, чтобы ехать дальше. Вместе с повозкой он поспешил назад». После этого остальные спутники попытались уговорить Адама вернуться в Москву, но он отважно продолжил свое опасное путешествие.

Слухи о ненадежности дороги в тылу армии оказались действительно обоснованными, но Адам был убежден, что в них вкрадывалось много

преувеличений и искажений, особенно когда они передавались по дороге из уст в уста. «Здесь дело дошло до того, что уже с давних пор одно только слово „казак“ получило у французов значение действительно ужасного слова... Между тем предупреждения об опасности умножались ежечасно. Дорога не была полностью свободна от французских солдат, от отдельных людей, бедных мародеров, которые потеряли свои корпуса и бродили вокруг, не зная точно, куда идти». В конце первого дня поездки, «перед наступлением ночи мы, действительно, увидели казаков. Они показались слева от дороги, вдали на отлогом холме в немалом числе на опушке леса... Мы постояли одно мгновение, но решили ехать вперед и, где будет возможно, свернуть вправо от дороги, чтобы они потеряли нас из виду. В одной удаленной небольшой долине мы сделали остановку, чтобы провести ночь и подождать, какие перспективы откроет нам следующее утро».

Утром 25 сентября, пишет Адам, «мы попытались с нашего лагерного места вновь вернуться на большую дорогу и вскоре вышли на нее, где от бродивших вокруг частично легкораненых солдат вновь получили известие, которое было способно внушить нам обоснованные опасения относительно нашей дальнейшей поездки. Они дрались с казаками и пробились, потому что еще имели боеприпасы. Около полудня перед нами послышался оружейный огонь, который, однако, длился не очень долго. Казалось, что большое французское воинское подразделение билось поблизости с неприятелем. Тем временем все двигалось вперед в стороне от дороги по левую руку от нас. Дым от орудий поднимался позади лесов, так что ближе мы ничего различить не могли. Мы лишь четко осознали, что находимся в довольно опасном положении. Впрочем, по истечении часа все успокоилось».

Поясним, что в тот день генерал Сен-Сюльпис, исполняя приказ Наполеона, выслал на рекогносцировку к югу от Смоленского тракта под командой майора Л. И. Марто́ два эскадрона гвардейских драгун (200 человек) и сводный батальон подполковника А. Схюрмена (140 голландцев из 3-го батальона 33-го полка легкой пехоты, 80 «дунайских рабочих» и 83 человека под командой капитана Хофмана из хессен-дармштадтского Лейб-гвардейского полка). Они были разгромлены отрядом Дорохова у с. Бурцево, в плен попали тяжело раненый Марто, четыре офицера и 186 рядовых.

«После полудня нас ожидало приключение совсем особого рода», – написал Адам и рассказал, что дорога привела путников в ложбину, где они обнаружили брошенную лазаретную фуру, в которой отыскивали сундук с черным чаем. Но счастье оказалось недолгим, потому как дорога пошла круто в гору и все попытки затащить туда карету оказались безуспешными. «В этом печальном положении к нам подъехал драгунский офицер импера-

торской гвардии с двумя людьми, остановился и с презрительным видом смотрел на нас, как мы надрываемся, чтобы привести нашу карету в движение. Наконец, он подъехал ближе и спросил, откуда и куда мы едем, и, после того как я предоставил ему необходимые сведения, он заметил: „Если Вы едете из Москвы, то должны, вероятно, взять хороший провиант и другие прекрасные вещи“. На мое возражение, что я имею при себе только самое необходимое для поездки, он попросил, с улыбкой во взоре, осмотреть содержимое кареты: „У Вас есть вино?“ – „Нет“. – „Но хороший шнапс Вы должны иметь?“ – „Да“. – „Так вот, если Вы дадите моим людям хороший напиток, то я смогу вам помочь вновь привести в движение вашу карету, иначе Вы не сможете сделать ничего лучшего, как оставить карету стоять, так как Вы ее дальше не сдвинете“. Я имел большую бутылку шнапса, которую отдал драгунам, которые изрядно приложились к ней и затем, по намеку офицера, протянул ее ему. Также отхлебнув из нее, тот оставил ее у себя и медленно отъехал со словами: „Я передам это моему капитану!“. Драгуны, два больших, сильных мужчины, действительно, помогли нам вновь сдвинуть карету, и мы медленно поехали дальше». Но вскоре один из драгун снова прискакал к карете и забрал мешок с хлебом, извинившись за этот поступок, так как это приказал ему сделать его лейтенант. Таким образом, путешественники остались без хлеба.

«Немного позже, – продолжает Адам, – я наткнулся на небольшое подразделение пехоты и узнал, что произошло столкновение с русскими, и что большинство их людей попало в плен. Один офицер казался явно охваченным страхом; он сделал жалобное описание и всячески пытался меня убедить в невозможности дальнейшего продвижения. Я возразил ему, что на обратном пути в Москву меня ожидает точно такая же опасность, как и при движении вперед. Таким образом, в течение двух дней я, томимый и останавливаемый непрерывными предостережениями и печальными известиями, все же заставил себя не приходить в замешательство, последовал своей дорогой и до вечера ничем больше побеспокоен не был. С наступлением ночи мы добрались до покинутой и опустошенной деревни. Было уже темно, когда мы остановились в амбаре, еще хорошо сохранившемся».

Кучер Адама направился собрать сено для лошадей, но «при первом же шаге вперед мой слуга споткнулся и обнаружил тело. Все пространство было заполнено убитыми, которые зачастую лежали друг на друге... Это печальное зрелище встречалось нам все чаще во время путешествия. Если мы входили в дом, который еще имел крышу, то мы регулярно находили в нем тела, среди них даже живых людей в таком плачевном положении, что были уже близки к смерти. Регулярно не раненные, а просто отставшие

солдаты, в величайшей нужде, без пищи, убого одетые, бродили вокруг и залезали в первый приличный дом, чтобы умереть в тишине. Некоторые из них явно стали жертвой голодной смерти. Они представляли собой скелет, обтянутый кожей и вовсе не казались переходящими к тлению».

На этот раз воспоминания Адама служат дополнительным комментарием для зарисовки Фабер дю Фора, датированной 21 сентября. Кауслер сделал к ней следующее пояснение: «С каждым маршем, который Великая армия проделывала вперед, становилось все больше обломков, которые она оставляла после себя, ее следы расширялись... Но если раньше большинство составляли люди, отставшие от изнурения и болезней, то теперь дороги были покрыты ранеными, умирающими и мертвыми. Более всего ими были наполнены все деревни вдоль большой дороги от Колоцкого [монастыря] до Москвы и по сторонам от нее. Там очень часто число мертвцов пополнялось теми, кто был побежден в борьбе с лишениями всякого рода, или погиб от пожара в домах, избежать которого не смог из-за беспомощности, или пал от руки бродивших вокруг вооруженных крестьян и казаков, которых Кутузов непрерывно посылал на нашу операционную линию. Так, за девять часов [пути] до Москвы справа от большой дороги мы наткнулись на остатки наполовину сгоревшей деревни, наполненной ранеными и безлошадными французскими гусарами»⁶.

Так закончился второй день поездки Адама, но наступившая ночь стоила ему его лучшей лошади, которая умерла от колик. «Это была, – пишет он, – белая лошадь, которую я изобразил стоящей позади меня при Бородино 6 сентября, когда я зарисовывал поле боя и ядро просвистело перед моими глазами... С грустным видом принял я отставку доброго животного, которое сослужило мне столь долгую службу, вытерпело столь многие тяжелые труды».

Действительно, в комментарии к рисунку под названием «Общий вид поля боя 6 сентября» Адам написал: «Я удачно воспользовался ясной погодой и полным затишьем 6-го числа. Я набросал очень точный рисунок местности и позиции русских в половину панорамы. Мои чрезвычайно острые глаза сослужили мне при этом прекрасную службу. Я отмечал каждое движение русских. Так возник рисунок большой исторической ценности. Но эта работа вскоре едва не вышла мне боком. Я по возможности дальше продвинулся вперед и в течение часа сидел на одном и том же месте. Моя белая лошадь стояла рядом со мной и из-за своего цвета особенно привлекла ко мне внимание русских. Неожиданно был сделан орудийный выстрел из большого русского редута, ядро просвистело у меня возле уха, ударило одного бедного артиллериста, который стоял позади меня и с боль-

шим интересом разглядывал мою работу, оторвав ему левую руку. Побужденный этим неожиданным грубым намеком, я отъехал дальше назад, на место, где стоял со своей свитой принц Эжен. Он очень давно глядывался вдаль и сначала рассмеялся, когда увидел, как я столь поспешно удирал, но затем сделал мне выговор из-за моей белой лошади и запретил мне впредь при подобных случаях ездить на этой лошади»⁷.

Адам пишет, что на третий день марша, т.е. 26 сентября, «до нас не дошло тревожных слухов и казалось, что мы оставили позади первую опасность – попасть в русский плен. Все, что я сопоставил из различных сообщений и собственных наблюдений, привело меня к мнению, что в планах русских не было намерения захватить главную дорогу, но, вероятно, они обратили внимательный взор на то, чтобы пресечь армии любую возможность добыть продовольствие. На главной дороге и в ближайшей к ней округе невозможно было найти ничего, даже чтобы накормить собаку. Все было опустошено, сожжено, разрушено, а дорога была покрыта трупами и падалями домашних животных, собак и кошек, и всем, что напоминало об уничтожении, голоде и нищете. Ничего этого не было в дальней округе, там еще многое можно было найти. Большие толпы отставших солдат, которые скитались по стране, гонимые голодом, удалялись от дороги, но как только они это делали, эти несчастные попадали в руки казаков».

Адам встретил нескольких уцелевших счастливиц из числа мародеров, которые гнали перед собой от восьми до десяти овец, а в ранцах несли по несколько кур. Он хотел купить у них овцу, но деньги не имели для них никакой ценности; только за ковригу хлеба и щепотку соли он смог выменять у них прекрасного барана. Вечером путники в небольшой роще свернули с Главной дороги, расположились биваком и приготовили себе роскошный ужин, причем суп ели деревянными ложками. Адам вспоминал: «В моем дневнике говорится: „Третий день. Величайшая опасность миновала, удачная торговая сделка, хороший бивуак, превосходный ужин, прекрасная, но ветреная погода!“». Как видим, благодаря более раннему отъезду из Москвы, Адам сумел сохранить свой дневник, в отличие от большинства будущих мемуаристов Великой армии. Спать путники улеглись «на любимой Матери-Земле», укутавшись в шинели.

Уже на четвертый день поездки, 27 сентября, начал ощущаться недостаток в корме для бедных лошадей. Их пришлось кормить старой соломой, содранной с крыш домов. При плохой погоде с ветром и дождем, сделавшим дорогу труднопроходимой, путники вечером прибыли в Можайск. Адам пишет, что город «был превращен в один большой лазарет и являл собой зрелище бедствий и нищеты. Повсюду виднелись больные, убогие,

изувеченные люди, которые бродили вокруг, как призраки. Другие только выглядывали из своих убогих деревянных хижин! В углу одного полуразрушенного дома мы нашли жалкую квартиру. Здесь я узнал, что майор фон Цвайбрюккен еще жив, но безо всякой надежды снова выздороветь; я хотел посетить его, но не смог узнать, где его жилище. На следующее утро 28-го мы покинули Можайск»⁸. Путникам удалось раздобыть совсем немного продуктов и фуража для лошадей на пару дней.

«Спустя несколько часов, – пишет Адам, – проехали мы через поле боя при Бородино. Здесь еще раз живо предстали у меня перед глазами ужасы 5 и 7 сентября. Я охотно хотел бы задержаться здесь на один день, чтобы зарисовать некоторые важные пункты, для чего мне в тот день времени не хватило... И все же велел я на некоторое время остановить свою карету и прошел пешком через памятные мне части поля сражения, но увидел там столько отвратительных ужасов, нашел воздух настолько отравленным, что вскоре повернул обратно. Большинство людских тел и лошадиных падалей оставалось лежать не погребенными, и это было бы ужаснейшее зрелище, если бы я смог дать точное описание положения, в котором я нашел это скорбное место восемнадцать дней спустя после сражения. В священный ужас привел меня вид семи человек, которые сползлись вместе в одну кучу, где прежде лежала убитая лошадь. Пятерых уже настигла их плачевная участь, смерть положила предел их мучениям, но двое из них еще не умерли, еще могли говорить и подавали признаки жизни. Я не мог увезти их с собой, как и оказать им помощь, и признаюсь, что на какой-то момент мною овладела мысль, добить их и избавить их от жалкого состояния. С ужасом убежал я от этих жутких призраков и, тяжело вздохнув, сказал самому себе: „Да, война является самым ужасным делом!“. Эти несчастные были русскими, которые на родной земле оставались лежать беспомощными *восемнадцать дней* в таком бедствии... Вечером прибыли мы к одному монастырю, который породил у нас надежду найти там квартиру, но мы нашли лазарет, который явил нам новое, совершенно траурное зрелище и отпугнул нас оттуда».

А вот отрывок из комментария Кауслера к зарисовке Фабер дю Фор а от 17 сентября: «Мы увидели поле боя издали, а на этой картине представлен его вид в полной ужаса близости... Вокруг плотными группами лежали в большом числе убитые, друзья и враги в мирном единстве. Еще шевелилась то тут, то там беспомощная лошадь, сильная природа которой позволила пережить тяжелораненых людей. В других местах, пролежав одиннадцать дней посреди этого разложения, еще находились живые люди!». Диллениус, сопровождавший Фабер дю Фор а, вспоминал: «Я был

вполне готов ко всем сценам, которые случаются... на полях сражений, поскольку я смел думать, что за время моей военной службы уже видел подобные обстоятельства. Однако мое удивление не имело границ, когда посреди огромной массы убитых мы нашли здесь, по меньшей мере, еще 60 живых раненых, чаще русских солдат, которые, почти все не перевязанные, почти безо всяких средств пропитания перенесли 11 дней несказанных бедствий. Эти достойные сожаления люди жутким образом сумели сохранить жизнь, но из-за своих ран не могли покинуть место, где безнадежно боролись с несчастьем, болью и бедами. Многие из них лежали друг подле друга у одного ключа, куда они приползли, чтобы там вместе продлить свою жизнь. При нашем приближении, они попросили о помощи, и, к счастью, мы имели так много продуктов, что смогли подкрепить их несколькими фляжками водки и хлебом. Мы сделали для их поддержки все, что могли, и дали им утешение, что хотим лучше о них позаботиться»⁹. Заметим, что Адам оказался на поле сражения еще через одиннадцать дней после Фабер дю Фора! Бывают же такие совпадения!

На шестой день поездки, 29 сентября, погода резко ухудшилась, подул сильный ветер, пошел дождь и даже снежная метель (Scheegestöber). Путники медленно двинулись дальше по раскисшей дороге. Из-за скудной кормежки лошади стали подавать признаки усталости. «После полудня, – пишет Адам, – мы обрели попутчиков: еврейских торговцев из Глогау в Силезии. Как и большинство израильтян, бывших при армии, они добрались до Москвы, чтобы проверить деловую операцию, и теперь возвращались, как кажется, удовлетворенными. Они выглядели хорошо и были в хорошем настроении, трое – еще достаточно молодые мужчины, которые весьма по-светски вели себя». Как тут не вспомнить известную русскую присказку: «Кому война, а кому мать родна»...

Адам продолжает: «В своих ожиданиях найти в крупном городе Вязма сносную квартиру мы опять обманулись; она была настолько плохой, что мы едва смогли дожидаться утра, чтобы увидеть позади себя этот город, перед которым месяцем раньше мы стояли при прелестной осенней погоде, полные прекрасных надежд на скорый счастливый успех».

30 сентября погода стала значительно лучше. Путешественники ближе познакомились со своими новыми попутчиками. Когда евреи узнали, что Адам является офицером из свиты вице-короля, они стали оказывать ему всяческие знаки уважения. Вечером они добрались до одинокой деревушки, расположенной на возвышенности, где «вновь нашли много бедных французских солдат, которые были больны и беспомощно бродили вокруг, чтобы отыскать убежище в убогих хижинах». Вечером двое таких солдат

попросились обогреться возле костра, разведенного путниками, а на утро те обнаружили одного из них мертвым, а второго – умирающим.

«1 октября вновь внезапно распространился слух, что дорога побеспокоена казаками. Он нагнал большой страх на моих израильских попутчиков; они начали ехать очень быстро». Адам повстречал отряд французов, за умеренные деньги купил у них хорошую лошадь, после чего и его люди «быстрее поехали вперед и к вечеру достигли города Семлево. Здесь действительно все выглядело внушающим опасение. Входы были забаррикадированы палисадом и различными щитами, и нас с трудом впустили туда. Маленький гарнизон очень опасался нападения и удивился, когда услышал, что мы прибыли из Москвы. Здесь мы также нашли жалкое пристанище; поэтому в городе мы почти постоянно чувствовали себя очень плохо. На открытом воздухе, даже при дурной погоде, мы, по меньшей мере, дышали свежим воздухом, а в городе воздух был зараженным. Поскольку мы прибыли в Семлево заблаговременно, я направился в комендатуру и нашел там очень вежливых людей. Они были очень сильно заинтересованы узнать от меня как можно больше об обстановке в Москве и о том, что нам пришлось пережить на обратном пути.

„Я действительно очень сильно удивлен, – сказал комендант, – что вы столь удачно досюда добрались. Сожалею, но я должен Вам сказать, что Вам не удастся также счастливо добраться до Смоленска; мы слышали, что казаки уже за двенадцать часов пути от Смоленска всех побеспокоили, и даже здесь они сидят у нас на шее. Приходится высылать целые военные команды, чтобы добывать себе продукты и фураж, поскольку у нас здесь отсутствует все, и положение наше бедственное“. – „Это скверные сообщения, – ответил я, – но что вы хотите здесь с нами сделать? Вы же сами сказали, что испытываете здесь недостаток во всем, не хотите же вы задерживать здесь еще пару гостей? Я далек от того, чтобы сомневаться в истинности того, о чем вы меня любезно уведомили, но с тех пор, как я покинул Москву, я постоянно слышу одни и те же разговоры, и Вы мне поверьте на слово, что та же самая опасность, которая находится передо мной, также лежит позади меня. Никто не знает, что далее задумал Наполеон, поэтому я не могу решиться сидеть здесь в неизвестности. Я твердо решил утром продолжить свою поездку в Смоленск“».

Здесь вновь можно привлечь в качестве иллюстрации зарисовку Фабера дю Фора, сделанную 5 сентября в Гжатске. Кауслер сделал к ней такое пояснение: «Своеобразный вид имело караульное помещение с барьером, через который проходит дорога из Гжатска в Можайск, и особенно окраска как его самого, так и палисада. Первый был раскрашен наподобие шахмат-

ной доски, а последний зигзагом. Сам барьер весьма практично составлен из двух установленных на роликах рогатках, которые, соединяясь в середине дороги, перекрывают ее». Нет сомнений, что такое же караульное помещение и палисад, сделанные по стандарту, Адам видел в Семлеве¹⁰.

В Семлеве находились три французских офицера, легко раненные при Бородине, но уже достаточно излечившиеся, чтобы продолжить путь. Они решили присоединиться к Адаму. Путники выехали из Семлева еще в предрассветном тумане 2 октября и вскоре наткнулись на конного егеря, стоявшего в пикете на дороге. Он равнодушно предупредил проезжающих, что через 15 минут пути они наткнутся на казаков. Новых попутчиков Адама это сообщение настолько испугало, что они продолжили путь на некотором удалении позади экипажа художника.

«Мы еще не очень далеко отъехали, – вспоминает Адам, – когда наше положение на полном серьезе стало становиться очень опасным. С проселочной дороги нам навстречу пешком спешил офицер, который торопился добраться до Главной дороги и встретиться с нами. Поэтому я приказал ехать помедленнее. Когда он подошел к нам, то дружелюбно поприветствовал нас на французском языке и попросил нас остановиться. Это был большой, сильный, очень статный человек, с хорошей выправкой. Язык и все его поведение внушали уважение.

После обычных вопросов: „Откуда? Куда?“, он начал рассказывать следующее: „Я полковник одного польского пехотного полка, который находится здесь на марше. Вчера вечером я оставил Главную дорогу, чтобы переночевать в одном знакомом мне поместье. Там нашел я также желанный приют и получил покой после длинных и трудных маршей, не помышляя ни о какой опасности, поскольку я имел при себе сильный эскорт. Ночью, однако, мы были потревожены ружейной стрельбой; казаки напали на нас в превосходящих силах, после храброго сопротивления мои люди были взяты в плен, моя лошадь и все, что я имел, были захвачены. Сам я ускользнул в темноте ночи, и, таким образом, как Вы видите перед собой, у меня не осталось ничего более, кроме моей шпаги. Они повстречали и мой полк, ему казаки позволили беспрепятственно пройти, так как они всегда избегают столкновения с большой массой пехотинцев. Полк у нас храбрый и сражался бы до последнего человека. Скажите его офицерам, что встретили меня, полк должен ускорить свой марш, я ожидаю его в Семлеве. Поскольку вы имеете мужество продолжать свою поездку, то я желаю вам оказаться счастливее, чем я!“.

Мы расстались. Этот рассказ, на самом деле, стал предметом серьезных рассуждений и открыл нам совсем не радостные перспективы на се-

годняшний день. По прошествии одного часа мы тоже наткнулись на этот полк, который, к нашему удивлению, был еще в хорошем состоянии и довольно многочисленный. Он занимал всю ширину дороги; с обеих сторон он был окружен сильными стрелковыми цепями. Офицеры были весьма поражены моим донесением и, со своей стороны, рассказали, что казаки, хотя и не отважились атаковать полк, но все, что двигалось позади в обозе и экипажах, было потеряно и попало в их руки. Прикрытие [обоза] защищалось, некоторые люди были убиты, прочие были ранены и взяты в плен, точно так же добычей казаков стали все лошади, которые шли позади полка. К тому же они заняли позицию в лесу таким образом, что пехотинцам невозможно было к ней подступиться.

Те три офицера, которые отважились из Семлево доехать досюда, теперь посчитали это слишком опасным. Один из них обратился ко мне со словами: „Ну, молодой человек, что Вы теперь скажете?“ – „Это выглядит очень опасным, но я не поверну назад“, – был мой ответ. „Allez, – сказал он с явным раздражением, – Вы – дурак“». Эти офицеры, имевшие маленькую русскую телегу, запряженную тремя лошадьми, поехали назад в Семлево вместе с польскими пехотинцами. «После того, – пишет Адам, – как полк прошел мимо нас, мы медленно и осторожно продолжили нашу поездку и через полчаса приехали на место, где произошло нападение казаков. Двое убитых лежали еще в собственной крови, а дымящиеся там обломки сгоревших зарядных ящиков и различные предметы ясно свидетельствовали, что здесь недавно дрались». Путники осознали, что казаки находятся поблизости, но за весь день их так и не заметили. Вечером они свернули с дороги и вблизи от нее обнаружили большой сарай. Там Адам вновь повстречал экипажи кронпринца Вюртембергского, а сопровождавшие их вюртембергские кавалеристы подрались между собой. В сарае Адам встретил также хорошо ему знакомого королевского берейтора, человека образованного. «При этом транспорте, с которым я теперь поехал дальше, находились еще несколько верховых лошадей, много экипажей и повозок и несколько конных егерей, вместе с прочей прислугой».

Более подробный рассказ об упомянутых Адамом боевых столкновениях мы обнаружили в записках не менее известного участника войны – партизана Д.В. Давыдова. Сначала в рапорте он сообщил, что 18 (30) сентября узнал от солдата, сбежавшего из плена, что в с. Юренево привели 1 тыс. русских пленных под конвоем всего 300 человек, и решил их освободить. Но «пленные в ту же ночь были переведены в другую деревню, на коих место расположились 2 батальона 2-го польского линейного полка и 1 батальон вестфальский». В мемуарах же партизан написал, что партия

пленных оставила свое «место свое *трем баталионам польской пехоты*, шедшим от стороны Смоленска в Москву. Один из них расположился в селе, а два за церковью, на биваках».

Еще не зная этого, на рассвете 19 сентября (1 октября) Давыдов велел 60 пехотинцам под командой мичмана Н. Храповицкого напасть на батальон, находившийся в селе, а Бугскому полку – перерезать дорогу из села к церкви. Атака окончилась провалом – за пять минут пехотинцы потеряли 35 человек, но «штыками пробили себе путь к Бугскому полку, который подал им руку». После этого неприятель «усилил огонь по нас из изб и огородов». Тогда по приказу Давыдова избы были подожжены, и «батальон стал выбегать из села вроссыпь», так что бугские казаки успели захватить в плен капитана и 119 рядовых. «Тогда батальон столпился, был несколько раз атакован и отступил с честью к двум вышеупомянутым батальонам, которые уже шли от церкви к нему на помощь». Тут Давыдов понял, что «нам нечего с ними будет делать, приказал понемногу отступать».

В это время разъезд, посланный к Вязьме, сообщил, что в 3 верстах отсюда находится артиллерийский парк, отряд Давыдова помчался «к парку и овладел оным без малейшего сопротивления». Были захвачены 24 артиллерийских палубы, запряженные 144 волами, и 23 фурманщика, «прочие скрылись в лесах». Будучи «наказан за отвагу штурмовать селение, занятое пехотою», партия Давыдова «после сего полууспешного поиска» отступила в с. Покровское.

С кем же бился отряд Давыдова? Это был 8-й маршевый обоз под командой майора 2-го полка Легиона Вислы Яна Никодема Юзефа Михаловского, вышедший из Смоленска 23 сентября в составе маршевого полка Легиона Вислы (30 офицеров и 1 802 солдата) и нескольких артиллерийских обозов (9 офицеров и 463 солдата), всего 39 офицеров и 2 263 нижних чина. 26 сентября в Дорогобуже поляки оставили отряд, сменивший 2-й батальон 5-го вестфальского линейного полка, который пошел на восток вместе с этим обозом¹¹. Это вполне соответствует рассказу Адама – и командир полка в наличии, и полк, действительно, многочисленный; к тому же это были закаленные в боях воины, шедшие из Испании и отставшие от всех трех полков Легиона на столь далеком пути¹².

На десятый день поездки, т.е. 3 октября, погода разгулялась и, за редким исключением, оставалась хорошей в течение всего месяца. 5 октября силы лошадей стали иссякать, так что Адам отстал от своих попутчиков и заночевал в лесу. 6 октября он вновь случайно встретился с вюртембержцами и они заночевали в поместье, расположенном в хорошенькой местности. Поясним, что дело уже было за Днепром. 7 октября Адам записал:

«Наши лошади настолько обессилели, что они почти не могли более идти дальше», и потому путники «с трудом добрались вечером до города Смоленска». За 14 дней поездки они проделали 130 часов пути. А какое еще пространство отделяло их от любимой родины!

В исходном дневнике Адам так обрисовал общую картину, царившую на пройденном пути: «Я взял с собой в дорогу достаточно денег для поездки и продуктов примерно на пятнадцать дней и взял в качестве сопровождающих одного слугу, владевшего русским [языком], и шестидесятилетнего мужчину, ветеринара на службе короля Баварии, который добрался до армии с транспортом лошадей и теперь отправился в обратный путь. От Москвы до Смоленска на расстоянии более чем 100 лье [450 км] все было опустошено, деревни являли собой лишь почерневшие от пожарниц руины, города – пораженные голодом квартиры для больных. Немногие еще стоявшие амбары или дома были заполнены трупами, некоторые из которых уже наполовину разложились, а дороги были настолько покрыты мертвыми телами людей и животных, что можно было следовать только по колеям и мертвечине трупов, чтобы отыскать правильный путь. Так мы медленно пересекали эту наполненную ужасами пустыню. Немногие люди, которые там встречались, были отставшими [солдатами], которые следовали за армией и без пропитания бродили тут и там в величайшей нужде. Для ночных квартир мы, как правило, выбирали места, которые были далеко удалены от лесов, так как вся местность в тылу армии от Москвы до Смоленска уже была наполнена казаками и вооруженными крестьянами, от которых мы много раз чудом ускользали».

В Смоленске люди и лошади получили два дня отдыха, путники запаслись продуктами и фуражом, но многих нужных им вещей так и не нашли. Адам пишет: «Смоленск был достаточно обжит французскими солдатами, но, как мне показалось, большей частью мародерами и людьми из госпиталей, крупного гарнизона здесь не было»¹³. С хорошо накормленными лошадьми спутники 10 октября тронулись в дальнейший путь при великолепной погоде. Адам намеревался ехать кратчайшим путем через Минск, Гродно и Варшаву. Теперь уже путешественники не опасались казаков, и Адам подробно описал несколько достопримечательностей, встретившихся им по дороге.

После полудня 14 октября путники свернули в сторону от большой дороги, рассчитывая отыскать фураж для своих лошадей. «Но вскоре мы были сильно разочарованы. Показалась толпа крестьян во главе с помещиком, которые выглядели очень кровожадно и кипели от жадности, готовые нас поколотить. Помещик потребовал у меня объяснения, почему я по-

кинул Главную дорогу, там должны быть магазины. А здесь нет никакой военной дороги и т.д. и т.п. Он считал уловкой нашу попытку прибегнуть к его помощи». Обе стороны препирались еще какое-то время. Впрочем, в другом поместье путешественники были встречены хорошо и накормлены. Вечером 23 октября Адам прибыл в Минск, где был вынужден продать свою измученную лошадь, и у него не осталось другого выбора, кроме как ехать далее на почтовых лошадях.

24 октября, пишет Адам, «я направился к губернатору, который принял меня дружелюбно и долго беседовал со мной. Мои бумаги он передал офицеру из бюро, чтобы их подписать и выдать необходимое разрешение, с которым я мог бы получать почтовых лошадей. Когда я вернулся домой, то случайно взглянул в свой паспорт и заметил, что там указано мне ехать через Вильно и Кёнигсберг и не указаны те почтовые станции, которые называл я. В маршрутном листе было написано то же самое. Моментально направился я к губернатору и заметил, что сюда, кажется, закралась ошибка; я выразил желание, что хотел бы выбрать гораздо более близкий путь через Гродно и Варшаву. Он взглянул на меня серьезно и сказал мне подчеркнуто: „Это не ошибка, а сделано преднамеренно. Вы не можете направиться этой дорогой! Отправляйтесь той дорогой, которую я Вам велел указать. Счастливого пути!“ При этом человек выглядел столь серьезно, что я понял, что здесь не допускаются никакие возражения»¹⁴.

Загадка, почему Адаму предписали ехать из Минска именно по дороге через Вильно, вскоре разъяснилась. Через несколько дней после того как он покинул город, поблизости от него появился авангард 3-й русской армии адмирала П.В. Чичагова. На второй день поездки (25 октября) при смене лошадей почтовый служащий сказал Адаму, что эта область побеспокоена казаками, так что если бы он взял дорогу на Гродно, то наверняка попал бы в их руки. В данном случае мемуарист явно «сгустил краски», так как реальной опасности нападения русских еще не существовало.

«Во вторую ночь, – пишет Адам, – перед тем как я добрался до Вильно, со мной произошло самое странное и одновременно самое радостное приключение за всю поездку. Мы были удалены от Вильно еще на две станции, когда я приехал в почтовый дом, чтобы переменить лошадей. Перед ним стояла нагруженная дорожная карета, которая в темноте ночи привлекла к себе мое внимание, так как ее очертания показались мне знакомыми. Но я не стал дальше думать об этом и, пока запрягались свежие лошади, вошел в комнату, чтобы, согласно предписанию, мое имя зарегистрировали в почтовой книге.

На длинных скамьях, стоявших вдоль стен, лежали два офицера, накрытые большими синими шинелями, и спали. Меня это мало заинтере-

совало, к тому же мне не хотелось показаться невежливым, рассматривая их поближе, но я спросил, кто они такие. Я получил ответ, что это французский генерал и кирасирский офицер, они прибыли за час до меня. Я удовлетворился этим и прилег в своей повозке. Вскоре я заснул и увидел во сне моего верного де Сэва, когда я был разбужен громким криком, раздавшимся снаружи повозки. Я не поверил своим ушам и подумал, что мне это снится, пока не услышал громкий и внятный крик: „Г-н Адам! г-н Адам!“.

Я отодвинул назад кожаную занавеску кареты и заметил камердинера моего друга де Сэва. Он сообщил мне, что его господин вскоре после моего отъезда проснулся и в почтовой книге увидел мое имя записанным вслед за своим. Моментально он приказал ему оседлать курьерскую лошадь и скакать так быстро и далеко, пока не догонит меня. Он прибавил, что де Сэв будет вне себя от радости от этой чудесной встречи. Он последует вскоре и надеется встретить меня, если не на дороге, то уж наверняка на ближайшей почтовой станции.

Тот, кто знает о сердечных, нежных отношениях, какие существовали между мною и этим благородным человеком, кто в состоянии понять то чувство благодарности, которое меня охватило, самый значительный момент в моей жизни, в которой он мне помогал участием и защитой, тот сможет составить лишь слабое представление о радости, которая меня охватила, когда я был разбужен этим известием посреди ночи в чужой стране. Была ли известная мне карета, в которой я сам столь часто ездил, или оба спящих офицера, которые бросились мне в глаза, или симпатия были причиной того, что я увидел во сне де Сэва? Я не могу этого сказать, но наша встреча при всех обстоятельствах была очень странной. Я тотчас же велел ехать шагом. Но мы встретились лишь на ближайшей почтовой станции. Радость от неожиданной встречи невозможно описать. Оттуда мы вместе поехали в Вильну. Здесь пережил я три счастливейших дня моей поездки, но они прошли слишком быстро. Как много мы успели друг другу рассказать! Какие различные воспоминания о прошедшем, о радостных часах вновь охватили нас в эти дни покоя! Но в наших разговорах проскальзывал и мрачный взгляд на будущее и на судьбу армии».

Здесь нужно пояснить, что за спящих офицеров Адам встретил на почтовой станции в Сморгони. Якобы генералом оказался его ближайший друг, капитан, а с 16 октября шеф эскадрона Жозеф-Луи-Жюльен де Лакруа де Шевриер де Сэв, адъютант генерала Богарнэ, а «кирасирским офицером» – его младший брат Огюст де Лакруа де Шевриер де Сэв (1791–1854), су-лейтенант 9-го кирасирского полка. Каким же образом

оба брата, служившие в совершенно разных подразделениях, оказались вместе в одном и том же месте?

Ответ на этот вопрос мы отыскивали в воспоминаниях младшего из братьев, Огюста. Он вступил в Россию в составе 9-го полка маршевой кавалерии шефа эскадрона Вуазена, который дошел до Минска и затем направился в Оршу. 26 сентября после Толочина Огюст заболел и был оставлен в м. Озерцы, где 16 октября его обнаружил его старший брат Жюль. Братья переехали в Коханов, где «генерал пехоты Ф[илиппон]» дал им 60 луидоров, и 22 октября направилась в Вильно. Они проехали Сморгонь и в Ошмянах, где через месяц Наполеон едва не пересечется с партизанским отрядом капитана А. Н. Сеславина, встретили Адама. «Мой брат был поражен», – вспоминал Огюст, ибо Адам, будучи «художником вице-короля, был тесно связан с моим братом, который считал его захваченным в плен казаками».

«Было 26 октября 1812 г., – пишет Огюст, – когда мы прибыли в столицу русской Польши. Мы назначили там свидание с г. Адамом; и действительно, чтобы его увидеть мы незамедлительно появились в гостинице, которая была ему указана для этой встречи. Известно, что г. Адам является очень уважаемым художником-баталистом замечательного таланта; в особенности он отличился в изображении лошадей и, по моему мнению, в этом плане он должен стоять в том же ряду, что и Зауервейд, и, может быть, немного выше, чем сам Верне. Я видел все его кроки кампании 1812 г., которые он набросал, причем от бивака к биваку, и я могу сказать, что в этих маленьких композициях содержатся правда и очень редкая естественность. Легко заметить, что все там изображено с натуры, мельчайшие детали выражены там с таким же изяществом, как и с точностью. Эти группы фигур постоянно полны соучастия и жизни и никоим образом не кажутся составленными по строкам рапортов, за что можно упрекнуть многие современные картины».

Де Сэв упрекнул многих современных ему художников за вольности в изображении деталей, за то, что некоторые «наши баталисты никогда не видели моря и полей сражений», и прибавил: «Видно, что г. Адам является более чем блестящим живописцем, это еще и добросовестный художник; его кисть пленяет честностью, а его полотна вызывают ужас у выдумщиков. Перед тем как нарисовать что-то, он хочет это увидеть»¹⁵. Нужно заметить, что Адам изобразил де Сэва-старшего на многих своих полотнах.

В завершение Адам пишет: «Де Сэв был послан принцем Эженом с поручением в Вильну, и там еще остался, тогда как я на третий день продолжил свою поездку. Вильна является очень значительным городом, и здесь царило оживленнейшее движение, было большое стечение различных ро-

дов войск. За деньги можно было удовлетворить любые мыслимые потребности. Я обновил некоторые предметы своей одежды и купил себе новую шляпу... 28 октября мы покинули Вильну, достигли Ковно на Немане и поехали дальше по правому берегу этой пограничной реки до Тильзита. Здесь мы покинули Россию. Никогда не забуду приятное чувство, которое меня охватило, когда я распрощался с русскими пограничными столбами... На этом пути я, к своей радости, вновь повстречал экипажи кронпринца Вюртембергского. 5 ноября мы прибыли в Тильзит».

Что же касается братьев де Сэв, то они остались в Вильно еще на месяц. 5 декабря от адъютанта Богарнэ, шефа эскадрона Ш. А. Юше де *Лабедуйера* (того самого, что будет расстрелян в 1815 г.) они услышали печальную весть о гибели Великой армии. Затем Огюст встретил полковника своего 9-го кирасирского полка М. Ф. Мюра-Систриера, который велел ему ехать в маленькое полковое депо в Эльбинге. В то же время Богарнэ приказал Жюльену де Сэву возвращаться во Францию. 10 декабря братья покинули Вильно и сумели удачно выбраться из России¹⁶.

Подытоживая сказанное, заметим, что воспоминания Адама рисуют нам весьма живописную и страшную картину того, в каком жутком состоянии находилась коммуникационная линия наполеоновской «московской» армии в конце сентября – начале октября 1812 г., когда М. И. Голенищев-Кутузов еще только разворачивал против нее «малую войну». Уже тогда эта коммуникация начала «трещать по всем швам», а ведь впереди еще были октябрь и ноябрь! Помимо того, становится очевидным, что в белорусских и литовских губерниях коммуникации Великой армии вовсе не подвергались столь же угрожающей опасности, как в губерниях коренной России. К тому же мемуары Адама хорошо коррелируются с показаниями других источников, что указывает на их достоверность и большую историческую ценность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Adam A. Voyage pittoresque et militaire de Willenberg en Prusse jusqu'а Moscou fait en 1812, pris sur le terrain même, et lithographié par Albert Adam. Munich, 1827–1833. Bd. I. 48 Lithographien, Bd. II. 47 Lithographien; North J. Napoleon's army in Russia: The illustrated memoirs of Albrecht Adam, 1812. L., 2005; Pigeard A. La campagne de Russie (1812) vue par Albrecht Adam et Ch.W. von Faber du Faur // Tradition magazine. 1997. Hors Ser. № 3; Вилинбахов Г.В., Григорьев Р.Г. Русский альбом Альбрехта Адама: Каталог выставки. Л., 1990.*

² *Adam A.* Aus dem Leben eines Schlachtenmalers: Selbstbiographie nebst einem Anbange. Stuttgart, 1886. S. 220–250; *Papi R.* Eugène und Adam: Der Prinz und sein Maler: Der Leuchtenberg-Zyklus und die Napoleonischen Feldzüge 1809 und 1812. В., 2012. S. 61–65.

³ *Adam A.* Aus dem Leben eines Schlachtenmalers. S. 211–212, 216, 220–221; *Papi R.* Op. cit. S. 61–62 (он ошибочно пишет, что Адам выехал 29 сентября). Фридрих Вильгельм Карл фон Вюртемберг (1781–1864), наследный принц, с 6 февраля 1812 г. командующий вюртембергским контингентом в составе Великой армии, заболел дизентерией, 23 июля сдал командование и 31 июля уехал в Вильно, откуда в октябре вернулся на родину. Как видим, его экипажи сумели добраться до Москвы.

⁴ Подр. см.: *Понов А. И.* Набег отряда И. С. Дорохова на Смоленскую дорожку // Воен.-ист. журн. 2002. № 8. С. 72–77.

⁵ *Faber du Faur Ch.W.* Blätter aus meinen Portfeuille, im Laufe des Feldzugs 1812: In Russland an Ort und Stelle gezeichnet von C.W. von Faber du Faur, und mit erläuternden Andeutungen begleitet. Stuttgart, 1831. № 62–64.

⁶ Примечательно, что голландский капитан К. А. Гайсвайт ван дер Неттен по пути к Москве сделал аналогичную запись: «Мы прошли через многие сожженные деревни, где сгорело множество людей, которые, будучи ранеными, укрывались в домах». По словам вестфальского капитана Т. Папета, от Можайска до Москвы «на всем пути были сожженные деревни, а поскольку дома были сплошь забиты ранеными, на некоторых пепелищах мы заметили ужасные останки... 15 сентября. Сегодня мы снова проходили через деревни, в которых были сожжены несчастные раненые».

⁷ *Adam A.* Aus dem Leben eines Schlachtenmalers. S. 221–228, 186–187; *Faber du Faur Ch.W.* Op. cit. № 61.

⁸ *Adam A.* Aus dem Leben eines Schlachtenmalers. S. 228–231. В Бородинском сражении был смертельно ранен картечной пулей в грудь майор 1-го баварского шволежерского полка Карл Август Габриэль барон фон Цвайбрюккен (21.1.1784–5.10.1812).

⁹ *Adam A.* Aus dem Leben eines Schlachtenmalers. S. 231–233; *Faber du Faur Ch.W.* Op. cit. № 56; *Dillenius C.* Beobachtung über die Ruhr, welche im russischen Feldzug 1812 in der vereinigten Armee herrschte. Ludwigsburg, 1817. S. 33. Саксонский лейтенант Ф. Меерхайм, проезжавший через Бородино во время отступления, вспоминал: «Здесь лежали целые линии пехоты в том же порядке, как они противостояли друг другу: на холмах и под ними, но особенно много

было павших у редутов и там, где были сожжены мосты, на расстоянии едва в 30 шагов, по берегам реки. Павшие лежали здесь еще в полном обмундировании и большей частью с оружием в руках, прекрасно выровненным строем и часто поваленные сплошными рядами; причем особенно бросались в глаза русские солдаты, павшие под обрывистым берегом Колочи. Они стояли на ногах, а именно в две шеренги; так как отвесный берег служил им опорой, они стояли или сидели, согнувшись в вызывающих ужас живых позах».

¹⁰ *Adam A.* Aus dem Leben eines Schlachtenmalers. S. 233–236; *Faber du Faur Ch. W.* Op. cit. № 52. В Семлево находился капитан Мюллер с ротой солдат 5-го вестфальского пехотного полка, располагавшихся «в большой греческой церкви, которая была укреплена палисадом».

¹¹ *Adam A.* Aus dem Leben eines Schlachtenmalers. S. 236–239; Отечественная война 1812 г.: Материалы Военно-учёного архива. Т. XV. С. 33; Т. XVIII. С. 116; Т. XIX. С. 19; *Давыдов Д.* Соч. М., 1962. С. 329–332.

¹² Разгневанный Наполеон велел маршалу А. Бертье узнать у командира Легиона генерала М. Клапареда, «почему из 5000 человек всего лишь половина присутствовала на переключке 4 августа. Спросите его, где находятся остальные?».

¹³ *Adam A.* Aus dem Leben eines Schlachtenmalers. S. 239–241; *Papi R.* Op. cit. S. 62. Гарнизон города составляли третьи батальоны польских 4-го, 7-го и 9-го пехотных полков.

¹⁴ *Adam A.* Aus dem Leben eines Schlachtenmalers. S. 241–247. Это был бригадный генерал Миколай Кайетан (Николя) Брониковский (1772–1817), поляк на французской службе.

¹⁵ *Adam A.* Aus dem Leben eines Schlachtenmalers. S. 247–249; *S[ayve] A. de.* Souvenirs de la Pologne et scènes militaires de campagne de 1812. P. , 1833. P. 226, 245–247, 250, 254, 257–259, 261–262. Генерал А. Филиппон был призван в Великую армию приказом от 1 августа, ехал в той же маршевой колонне, что и Огюст де Сэв, и добрался до Смоленска.

¹⁶ *Adam A.* Aus dem Leben eines Schlachtenmalers. S. 249–250; *S[ayve] A. de.* Op. cit. S. 366, 368, 378–380.